

Оборотень

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Поздняков Роман

Роман Поздняков Оборотень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67793903

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда ты ожидаешь увидеть оборотня, ты его видишь, даже если их не существует.

Роман Поздняков

Оборотень

I

Утреннее пасмурное небо плотно закрыло собой то небольшое, что осталось от солнца и мелко прострочило по краям, чтобы даже случайный луч не пробрался в поэгусторонний мир. Туманная взвесь прошла плотными горизонтальными нитями воздух, размывая очертания дальних деревьев, придавая мертвенной бледности в унылый общий пейзаж школьного двора. Сергей Макогон посмотрел на отражение своего худого злого лица в открытой фрамуге окна и принялся дорисовывать очертания воющего на луну оборотня на полях тетради. Покончив с общими штрихами, он приступил к деталям: стал прорисовывать шерсть и мышечный рельеф монстра. В это время Ирина «Шлангва» Николаевна приплясывала у доски, воплощая движениями и мимикой забытого фокусника Амаяка Акопяна. Она демонстрировала решение какого-то несложного алгебраического уравнения.

– Вот смотрите, ребята, весьма занятный пример! Как вы думаете, как он решается? Правильно, вы сейчас ничего не понимаете, и я долго ничего не могла понять, полвечера сидела, пока не догадалась – смотрите, смотрите! – Она быстро зачертила по доске мелом формулы. – Если мы дробь выразим через степень целого числа... теперь оба раза вынесем

«икс» из-за скобок и в числителе, и в знаменателе, то ... – смотрите – какой стройный вид уравнение принимает! Здесь мы сокращаем одинаковые косинусы... – она зачеркнула на доске несколько чисел... и внезапно запнулась. По её лицу было видно, что она где-то допустила ошибку. Где – всем было неизвестно, да и в общем-то плевать, но ошибка мешала Шлангве довести фокус до блистательного финала. Она замолчала, уставившись на доску и подперев рукой подбородок... А потом заорала так, что Макогона от неожиданности подбросило за его задней партой.

– Ааааа! Смотрите! Ну, конечно! Смотрите! Мы вынесли «икс» оба раза за скобки, но там было-то два минуса, а мы вынесли с одним! А куда, спрашивается, второй делся? А минус на минус у нас даёт плюс, правильно? Поэтому мы здесь поменяем знак на противоположный... Сокращаем множители... – Она снова быстро-быстро зачертила по доске, потом опять запнулась, выронила мел, подняла и снова задумчиво уставилась на доску. Очевидно, ошибка в решении была не одна.

Класс в это время занимался кто чем. Макогон у себя на камчатке рисовал оборотней. Хулиган и школьный «авторитет» Лёша Чупин тоже на камчатке, но на другом ряду, не привлекая внимания, тихо резался в карты с одним из своих шакалов Васпом. Верочка Долишня со Светой Федосеевой залипли в телефонах. Макогона покорежило при их виде. У, дуры! В телефонах в общем-то весь класс и находился.

Алексей и Борис Брызгалины, два близнеца, Лёлик и Болек, засунули по одинаковой гарнитуре каждый себе в ухо, смотрели фильм для взрослых и вполголоса хрипло переругивались, – видимо, с чем-то там были не согласны. Ирка Христенко, Ставрида, впустую листала ленту новостей в социальной сети, не останавливаясь нигде и не читая ровно ничего. Это вполне соответствовало её натуре. Нет на свете такой новости, которая заставила бы Ставриду заинтересоваться. Глаза пустые. Рыба она и есть рыба...

Слушало Шлангву и следило за её магическими пассажами только три человека, элита класса, белая кость, голубая кровь: Катя Чеботарёва и два спортсмена, Илья Коваленко и Олег Осипов. В отличие от Кати, эти двое не были отличниками – скорее хорошими такими ударниками. Без особых талантов, но всегда готовые к урокам, всегда подтянутые, спортивные, чистые и отутюженные. Они оба занимались лёгкой атлетикой и чем-то напоминали Макогону породистых скакунов на выезде. Длинноногие, поджарые – они даже ходили так, что их походку можно было оценивать в баллах. Девочки повально влюблялись в них, по очереди, попеременно, в обоих сразу и в каждого по отдельности, друг за другом, делились секретами и ссорились между собой, образуя союзы и объявляя войны. Это считалось хорошим тоном и было в тренде. Однако эти двое держались ото всех несколько особняком. Они не принимали участия в школьных соревнованиях – не разменивали себя по мелочам, не задержи-

вались после уроков. За обоими сразу же приезжали дорогие машины и забирали их в края спорта высших достижений и дорогого пригорода. Единственным человеком, которого они удостаивали достаточным и приветливым своим вниманием, была, конечно, Катя.

Катя. (А вот об этом не должен знать никто!) Катю любил и уважал весь класс, а возможно, и вся школа. Даже шакалы ни разу о ней плохо не отзывались. Вот Катя-то и была самой настоящей аристократией в лучшем понимании этого слова. Она не происходила из богатой семьи, но во взгляде, в речи, в повороте головы – аристократизм у неё отзванивал даже кончиками чёрных слегка выющихся волос. Она никогда не чуралась школьного плебса, с любым могла поддержать разговор, даже с Чупой. И осчастливив человека минутой своего обаяния и непременно в таких случаях улыбкой, она опять уплывала в мир своей собственной жизни, оставляя обалделого от счастья осознавать происходящее. Улыбаться Катя умела очаровательно. Это была искренняя, настоящая улыбка, когда уголки глаз покрываются паутинкой задористых морщинок, а глаза блестят озорным карим светом и улыбаются синхронно со смеющимся лицом. Такой улыбке хотелось верить и становилось даже немного грустно, когда она проходила. Одновременно это же было и вежливой улыбкой, которая держала на расстоянии, намекая, что её хозяйка в скором времени отойдёт в сторону и займётся своими делами. Да, Катя была одновременно и замкнута, и об-

щительна, какими умеют бывать только люди благородные. Она могла непринуждённо болтать и смеяться, но близкой подругой так и не обзавелась. Время от времени кто-нибудь из парней тащился провожать её со школы. Попеременно это были и Осипов, и Коваленко, и Чупа, и даже Васп. Но что-то там каждый раз происходило, и на следующий день, к вящей радости Макогона, Катя и несостоявшийся ухажер возвращались домой каждый сам по себе. Когда за Катей увязался Коваленко, Макогон не находил себе места от злости – уж больно органично смотрелись эти два красивых молодых человека вместе; Илья на ходу рассказывал что-то жутко интересное и размахивал руками, а Катя заглядывала в его лицо, смеялась и глаза её светились. По честному, было бы справедливо, если бы они влюбились друг в друга.

Макогон досконально изучил катины черты и неоднократно пытался изобразить её карандашом на листе бумаги: точёная фигура, тонкие правильные линии греческого лица, выразительные карие глаза и чёрные волнистые волосы, которые она часто подбирала вверх, оголяя изгиб шеи и оставляя лишь еле заметную глазу прядь. Прядь мешала думать, сосредотачиваться на рисунке и вообще адекватно воспринимать окружающий мир. Она как будто специально была для этого придумана. Но об этом не должна знать ни одна посторонняя душа! Если об этом узнают, он просто провалится стоя на месте, сгорит со стыда. Макогон был парень не робкого десятка, но свою причуду, как и любой человек,

имел: а именно, до дрожи в коленях боялся, что о его привязанности к Кате кто-нибудь догадается. Конечно, новостью это ни для кого не станет, потому что скорее всего про неё так думают все. Но всё же... Допустить в этой жизни можно всё что угодно, только не разглашение секрета. Это тайна! ТАЙНА! Поэтому Катю он пытался писать только дома.

Однако как назло на рисунках всё время получался другой человек, очень похожий внешне, но внутренне – совершенно другой. Макогон никак не мог отразить грифельными штрихами то ускользающее свойство, что отличало Катю от просто красивой девушки. Тогда он качал головой, с ожесточением принимался работать ластиком, в итоге мял и портил лист. Палитру Макогон не признавал, не понимал и считал её костылями художника, а картины, написанные красками, – отрыжкой изобразительного искусства. Настоящая, а не суррогатная душа живого или неживого существа могла быть отображена только двумя цветами: черным и белым. Вместе с тем, не признавал он и тушь, потому что нанесённая один раз неверная линия уже никогда больше не могла быть исправлена наново. Конечно, иные умельцы что-то такое и могут с ней сотворить, зарисовать и безболезненно встроить в общую композицию. Но эта линия всё равно так и останется шрамом, а душа исказится и уйдёт из картины, оставив красивый, пустой и никому не нужный рисунок. В то, что художник может верно наносить все линии с первого раза, Макогон не верил. Одну, две, десять – может, все

– никогда.

О том, чтобы заговорить с Катей, Макогон и не помышлял. Катя, конечно, не откажет ему в минуте общения, перекинется парой слов, вероятно, позволит себя проводить до какого-то рубежа посередине дороги и даже, возможно, осветит его улыбкой, но нотки вежливости и некоторой отстранённости ведь никуда не денутся. Это увидят все, и все, конечно, сочувственно ухмыльнутся, когда наследующий день Катя вновь пойдёт домой в одиночестве, оставив Макогона горевать над своим поражением. Всё будет ясно без слов! И как потом с этим жить?..

Собственно, единственным человеком в классе, которого Катя до сих пор не удостоила своего разговора и улыбки, Макогон и был. На то существовало несколько причин. Первая и главная – Макогон обладал отталкивающей внешностью. У него была отвратительная привычка пристально смотреть человеку в глаза, не отводя своих. Это был недобрый взгляд, нехороший. От такого вдоль хребта начинал бежать холодок, и лучшим выходом было отвернуться и начать смотреть в другую сторону. Особенно этот взгляд контрастировал с катиным, как распахнутые руки, добрым и открытым. Дополняли портрет Макогона всегда плотно, в нитку сжатые губы с едва заметными подрагивающими в лёгком оскале уголками. Это был взгляд существа, которому, казалось, мешает сделать больно собеседнику только присутствие свидетелей. По этой причине с Макогоном по кличке «Самогон»

или «Сэм» никто в школе в разговор вступать особо не желал. Они с Чупой делили первенство главных злодеев. Но если Чупа был простым главарём мафии, опасным, но представляющим конкретную, осязаемую опасность – то Макогона окружал ореол маньяка-одиночки, замкнутого в себе психопата, ещё не пойманного, но тем более непредсказуемого. Кроме того, Макогон сам по себе был молчун. Он не избегал общества, но первым в разговор никогда не вступал, и если его ни о чём не спрашивали, предпочитал рта не раскрывать. Когда новоявленные друзья и обнаруживались, пытаясь выстроить с ним общение на короткой ноге, уже через пару часов они оставляли свои попытки и заживали параллельной жизнью. А очевидное пристрастие Макогона к оборотням и всяческой расчленёнке в картинках лишь подтверждали гипотезу о его скрытой психической болезни и заставляли людей сторониться.

Кто-то пустил слух, что Самогон – сатанист и носит в рукаве бритву. Слух моментально превратился в сплетню, наполнившись подробностями с замученными животными и кладбищенскими бдениями. Для Чупы это было вызовом и возможностью доказать своё превосходство, наконец-то установив абсолютную вертикаль власти, и разом снять все вопросы по авторитету. Для этого надо было вместе с шакалами скрутить Самогона и проверить его рукава, а заодно и то, что «выпало» из карманов. Но тот внезапно слуху поверил. Поверили все. Особенно переживал по этому пово-

ду педагогический состав школы. Личность Макогона была предметом жарких обсуждений в учительской, на совещаниях, педсоветах и прочих ведомственных комиссиях. Половина педколлектива была очень обеспокоена, указывала на опасность нахождения среди детей обучающегося с со скрытыми садистскими наклонностями и предсказывала вероятность кровавых происшествий в школе. Другая, во главе с Гузель Рифкатовной, Птюней, школьным психологом считала, что опасность явно преувеличена, и Сергей – это просто замкнутый, своеобразный, но в целом нормальный ребёнок, а его страсть к кровавым сценам в живописи обусловлена в основном гормональным бумом и половой самоидентификацией. Птюню поддержал директор школы, Дмитрий Семёнович Борисенко по кличке Бобрис. Решающим же аргументом стал тот, что обучающийся до сих пор ни за чем предосудительным замечен не был, а кроме того, хоть и был лентяем, учился весьма сносно. По совокупности этих обстоятельств Макогона в конце концов оставили в покое, хотя и продолжали косо поглядывать.

II

Птюня, тем не менее, периодически вызывала Сергея к себе в кабинет. Там поила чаем, заставляла проходить какие-то свои тесты и вела с ним, как ей самой казалось, душевные беседы «на вечные темы». Сергей был не против этих встреч. Остаться после школы он наотрез отказывался, и Птюня для своей работы вынуждена была отпрашивать его с уроков.

После алгебры она снова вызвала Сергея к себе и попросила нарисовать несуществующее животное. Это было психологическим тестом. Рисунок что-то должен был поведать ей о тайных движениях его души. Сергей это знал, однако он был больше озабочен тем, что его искусство хоть кого-то заинтересовало, а ещё тем, чтобы затянуть время встречи не на один урок, а на два. И – раз уж попросили – изобразил самого страшного и клыкастого оборотня, какого только мог. Он прорисовал его в деталях: с пеной, ниспадающей с клыков, посреди опушки глухого таёжного бора, воющего на луну среди серых страшного очертания облаков, а рядом – лежащий бесформенной массой разорванный на части труп несчастного убиенного. Черты монстра одновременно выражали и дьявольское счастье от совершённого преступления, и невероятную боль, страдание и тоску.

Трудился Сергей около часа, не отвлекаясь даже на перемену, пока Птюня не стала выказывать признаки нетерпения и слегка поторапливать. Сергей относился к своим работам трепетно. Он и ухом не повел, несмотря на все потуги Птюни, и продолжал тщательно выводить сцену жуткого убийства. Этот тест Сергей проходил не впервые, в кабинетах разных психологов, изучал его в Интернете и был прекрасно осведомлён, что, к примеру, клыки, шипы и рога, согласно правилам теста, характеризуют в нём скрытую агрессию и враждебность, и вообще «несуществующее животное» должно являть сведущему мозгоправу его внутрен-

ний мир, скрытые желания, переживания и страхи. Но сейчас ему было не до этого: его попросили что-то нарисовать, и зритель должен был быть поражён великолепием форм и линий, он должен был ощутить себя на месте жертвы, затрепетать, домыслить сцену и проникнуться ужасом от неизбежной её развязки. В конце концов, Птюня, посмотрев на часы и цыкнув, мягко отобрала незаконченный рисунок и предложила поговорить о его содержании.

– Сергей, кого ты изобразил на рисунке?

–оборотня-вервольфа.

– Как его зовут?

– Аристарх.

– Почему ты ему придумал такое имя?

– Просто красивое. Но, если вам не нравится, я назову его

Лунтик.

– А с кем дружит этот... бервольф?

– Вервольф... Впрочем, Гузель Равкатовна, вы только что подали мне интересную идею.

– Рифкатовна. Какую же?

– Ну, бервольфа, волка – медведя.

– Понятно. Хорошо. Так с кем он дружит?

– У него нет друзей.

– Почему?

– Судьба такая. Вы бы стали с ним дружить?

Птюня улыбнулась, налила обоим чай и жестом пригласила Сергея.

– А где он живёт?

– Обычно он живет в простой двухкомнатной квартире простого многоквартирного дома. С лифтом. Но когда наступает ночь полной луны, он уходит ото всех людей подальше в лес, чтобы в городе никого не встретить и не убить.

– Почему он должен кого-то убить?

– Потому что в такие моменты он не может контролировать себя. Пока он человек, он этого не хочет – не хочет никого убивать. Но в полнолуние он превращается в дикого зверя, и тогда для него все равны – все его добыча. Он убивает людей, а потом пожирает...

– Сколько ему лет?

– Он ещё совсем молодой... Всего четыреста.

– А у него семья есть?

– У кого?

– Ммм... у бер... оборотня.

– У волка – нет, у человека – есть.

– И кто туда входит?

– Мама, папа... всё.

– Но если ему, как ты сказал, четыреста лет – то им, получается, ещё больше?

– Получается, так.

– Тогда они тоже оборотни?

– Тогда тоже.

– Получается, в полнолуние они сразу втроём в волков должны превращаться. Как же они до сих пор друг друга не

поуб... не поранили?

Макогон пил чай, и его неотрывный тяжёлый взгляд наконец заставил Птюню потупиться и начать ёрзать в кресле. Та, чтобы не уронить достоинства, принялась с поддельным интересом изучать рисунок.

– С чего вы взяли, что они все трое превращаются именно в волков?

– А в кого тогда?

– Не знаю. Аристарх уходит в лес, и родителей в ту ночь не видит. А когда возвращается, он уже простой человек и встречает дома таких же простых людей.

– А вот этот Аристарх – чем он любит заниматься? У него есть любимое занятие?

– Обычно он ходит в школу, но в полнолуние, стоит лишь первому лучу луны проглянуть сквозь облака, его одежда разрывается, он начинает выть, из пальцев лезут в огромные когти, он превращается в огромного лютого волка, и вот тогда его любимое занятие – это охота на людей.

– А он пытается как-то бороться с собой, пытается остановить себя, стать снова человеком?

– В эту ночь он ничего не понимает. Он не помнит, что когда-то был человеком, а поэтому не знает, что должен с чем-то бороться. Зачем ему бороться с волком, если он сам и есть волк?

– Как же он ходит в школу, если ему четыреста лет, не поздновато ли?

– Ему на вид только пятнадцать – надо же куда-то ходить...

Внезапно Птюня подняла глаза на Сергея. Уверенный и спокойный человеческий взгляд с лёгкостью выдержал волчий и никуда в сторону больше не отводился.

– Вот ты сказал... ты спросил меня, буду ли я с ним дружить. Я сейчас подумала и отвечу «да». Я ведь дружила бы с человеком, а не с волком. Я бы постаралась помочь ему не превращаться в зверя... Я бы помогла...

– Это не в ваших силах. Волк не различает, друг перед ним или не друг, он просто разрывает горло того, кто находится рядом, человека или зверя, и пожирает его плоть. Как только вы окажетесь рядом с ним во время его очередного приступа, участь ваша предрешена...

Сергей не отводя взгляда и не улыбаясь смотрел прямо в глаза школьного психолога.

– Сергей, а для Аристарха наличие полной луны... или просто луны – это обязательное условие для превращения? Подумай, прежде чем ответить.

– Не знаю. Я его потом спрошу.

– Хорошо. И последний вопрос, Сергей: ты сейчас надо мной издеваешься?

– Да, Гузель Рифкатовна, я над вами сейчас издеваюсь.

– Спасибо, Серёж, сейчас уже большая перемена будет через три минуты. Иди сразу в столовую, а потом на уроки. У вас там физкультура, если не ошибаюсь...

III

В столовой Макогон рассчитывал пообедать в относительно-спокойствии и одиночестве хотя бы эти три минуты, пока не прозвенел звонок и стая мерзких упырей не ворвалась в столовую из всех кабинетов и коридоров школы. Однако до конца урока ему еду выдавать отказались, и пришлось ждать. Звонок прогремел, возвещая начало шабаша. Почти сразу со всех сторон раздался дикий вой. Послышался топот бегущей толпы, упыри по одному и стайками стали врываться в столовую. В очереди Макогон всё равно оказался первым. Сперва он рассчитывал занять место подальше у окна, но передумал – тогда бы его путь с подносом пролегал через вход, а это было опасно. В помещение столовой каждую секунду кто-то врывался, врзался в кого-то на полном ходу, столы со скрипом сдвигались, а лбы сшибались с сухим треском. Кто-то уже вовсю дрался. Макогон решил не рисковать одеждой и опустил за ближайший стол, одним взглядом согнав рассевшуюся за ним, копошащуюся и пихающуюся мелочь.

Тем временем, толпа прибывала. Нечисть старших возрастов уже не ломилась, а заходила спокойным шагом. Вот явилось вурдалачье и из его класса. Чупа с Васпом прошли без очереди. Не отрываясь от гаджета перед глазами и ориентируясь в пространстве исключительно посредством эхолокации, заплыла Ставрида, встала в конец очереди и безмолвно повела жабрами. Выставочным конкурром прогарцевали Коваленко и Осипов. Вошла Катя. За ней, не прекра-

щая хрипло переругиваться, Лёлик и Болек. Катя на раздатке положила на поднос тарелки с едой и с подносом в руках встала неподалёку от Макогона – свободных столов уже не было. Катя обвела помещение беспомощным взглядом. Макогон тайком наблюдал за ней. Они встретились взглядами и оба тут же отвели: Катя – из вежливости, не желая ставить человека в неудобное положение, а Макогон до смерти перепугался, что она всё прочитает по его глазам.

Жрать в перед Катей, стоящей с подносом в руках было бы, конечно, верхом сволочизма. Макогон осмотрелся по всему доступному его взгляду периметру – в столовой на неё всем было плевать. Вурдалаки с упоением ругались, дрались за места и громко чавкали. (Она не должна догадаться!) С недовольным видом, прикинувшись раздражённым, что еда сегодня не еда, а помои и вообще нормально ни поесть, полоснув для подстраховки Катю по диагонали лезвийным взглядом, Макогон встал и пошел относить свой незаконченный обед на ленту грязной посуды. Краем глаза он увидел, что Катя приветливо улыбнулась и кивнула ему головой. Сохраняя внешнюю невозмутимость, Макогон спокойным шагом дошёл до дверей столовой, за дверями остановился, перевёл дух, потом подошёл к умывальнику и ополоснул лицо холодной водой.

Она ему улыбнулась. Она его заметила. Она оценила его поступок. Ну, конечно, она догадалась, что он таким способом просто уступил ей место. И она его за это поблагодари-

ла. Умница! Тут произошло невиданное – Макогон стоял и улыбался себе в зеркало. Кто бы увидел, не поверил – Самогон умеет улыбаться. Улыбка, правда, получилась кривой, и человек со стороны навряд ли бы догадался, что Сергею сейчас хорошо, как никому на свете. Захотелось жить! Вдруг захотелось сделать что-то хорошее! Сергей подавил в себе желание немедленно пойти к Гузель Рифкатовне, извиниться и пройти тест как полагается, не придуриваясь. «Обязательно потом зайду, только куплю чай. Надо сделать кому-то приятно. Срочно».

В это время сзади его похлопали по плечу. В отражении зеркала умывалки Сэм с удивлением разглядел выразительное, как строительный шлакоблок, лицо Васпа. Рядом стоял его предводитель и вожила. Последний и заговорил.

– Сэм, короче, дело есть.

– Ну.

– На физру сейчас идёшь?

– Нет.

– Короче, сегодня после уроков зарубаемся с 11-ми классами в баскет на ящик пива, будешь?

– Какой ящик – мы с тобой полгода вместе не играли.

– Не проиграем, не ссы. Они тоже вместе не тренькались. Короче, на физре сейчас отработаем зонную защиту и всё, они потеряются. Они лбы тупые, короче, играть вообще не умеют. Коваленко и Осипов тоже добро дали. Ну, как теперь?

Хоть с Макогоном общаться и не любили, в школе ценили его спортивную сноровку. Особенно в играх с мячом. Недостаток техники Сэм с лихвой компенсировал пониманием игры. Это был цепкий и умный защитник-домосед с классным первым пасом, который никогда бездумно в атаку не лез и не портил игру. Но это же понимание игры подсказывало сейчас Сэму, что зарубаться не сыгравшись со старшаками – затея авантюрная. Тем более, «на корову».

– Не получится отработать. Нохча всё равно заставит с девочками вместе играть.

Учитель физкультуры Резван Арсенович, или Нохча, по какой-то ему одному ведомой причине на уроках всегда делал смешанные команды из обоих полов. Протесты не помогали.

– С Нохчей мы поговорим. Короче, ты согласен. Короче, постанова такая: ты – разыгрывающий защитник слева, Олег – атакующий защитник. Илья – центр, мы с Васпом – форварды: Васп – под кольцом, я – в оттяжке, помогаю тебе в защите. При перехвате мяч играем через тебя, короче...

Обсуждение плавно переместилось в раздевалку. Там расселись у шкафчиков. Слово взял Илья: он рисовал в тетради схемы и объяснял, как действовать персонально против каждого игрока соперника. Сэм чувствовал душевный подъём: сегодня он виртуозно обвёл вокруг пальца психологичку с её тестом, ему улыбнулась Катя, а теперь его, кажется, включили в высшее спортивное общество. Сегодня никаких лё-

ликов-болеков и прочих полупокеров, сегодня будет заруба, и класс представляют только сильнейшие. День складывался наилучшим образом. И всё-таки надо будет зайти к Рифкатовне после физры и забрать Аристарха – уж больно хорошо получился.

IV

Нохча однако же остался непреклонен и команду мечты раскидал по нескольким. Сэм оказался в одной команде с Васпом, Федосеевой, Латохиной Веткой и... не может быть, не может так везти... и Катей. Да, тренировка перед «матчем века» была напрочь сорвана – потом на площадке придётся импровизировать, но какое это имело сейчас значение? Катя была как всегда проста и очень элегантна. Черные чешки, черные короткие шортики и обтягивающая тонкую фигуру белая майка. Как первоклашка! Всё, это всё, что нужно, чтобы подчеркнуть грацию и женственность: простая короткая одежда и спортивное тело – в этом и заключается красота гармонии... или гармония красоты. Черные слегка выющиеся волосы подобраны, за ухом неизменная прядь. Какая же она ладная! Сэм в очередной раз про себя отметил, что настоящая, глубинная красота не терпит пестроты красок – все они факультативные, второстепенные; всё что нужно для совершенства – это только два цвета, черный и белый. И симметрия тела. Сэм на разминке забылся, наблюдая за Катей. Он бы изучал этот утончённый минимализм не отрываясь до конца урока, но в голове молотом пробило: НИКТО! НИ О

ЧЁМ! НЕ ДОЛЖЕН! ДОГАДАТЬСЯ! И он снова стал бросать лишь короткие взгляды, сосредоточившись на контроле мяча. С другой стороны, сейчас у него появилась уже легальная возможность смотреть прямо на своего партнёра по команде, никто ему на это уже ничего не скажет, никто не заподозрит. Это хорошо. Это очень неплохо! Сэм задумался: как бы повёл он себя по отношению к Кате, если бы ему было уготовано судьбой стать вервольфом на самом деле? Нет, он бы её не тронул ни при каких обстоятельствах – каким бы тяжёлым приступ ни был, какой бы полной ни была луна. Он скорее разорвал бы себе грудь когтями, убежал в лес, бросился бы головой вниз с утёса, разбился бы, и никогда не возвращался, остался бы на всю жизнь зверем в чащобе – только не причинять ей боль. Тогда бы она затосковала по нему и тихо плакала по вечерам до конца жизни, вспоминая его и коря себя, что не остановила, не осталась вместе. Впрочем, нет, это плохая придумка, никому от неё хорошо не будет. Не согласен он. У истории должен быть счастливый финал. Он встал бы на её охрану, он лежал бы у порога её спальни все ночи, и ни один вампир, ни один мертвец не посмел бы к ней приблизиться. А даже если бы и нашёлся такой слабоумный, то ему пришлось бы иметь дело с самым злым и свирепым оборотнем на свете...

Тем временем, первая пятёрка свой микроматч уже проиграла и покинула площадку. Нохча дал свисток, и команда Васпа вышла на паркет. Против них играли победители

предыдущей встречи: Илья, Олег и ещё три девочки. Нохча подкинул мяч вверх. Макогон выиграл у Олега вбрасывание, первым же пасом с центра поля нашёл под щитом руки Васпа, и тот чуть ли не сверху вколотил мяч в корзину. Первый пошёл! Теперь защита. Васп пристроился к Олегу, как к родному. Илья играл по флангу Сэма. Ловкими движениями с отскоком от пола между ног он перебрасывал мяч с одной руки на другую, раскачивая Сэма в обе стороны и выводя его из равновесия. Но Сэм чуйкой понимал игры с мячом. Он давно заметил, что Илья предпочитает при обыгрыше одну и ту же уловку: ложный уход вправо и прорыв с левой ноги, переложив мяч под левую же руку. Катя смотрит – надо сыграть так, чтобы ей понравилось; она должна увидеть, что Сэм не менее ловкий и умелый, чем спортсмен Коваленко; отобрать мяч у него – это уже было бы совсем чересчур, но не подпустить его к кольцу можно попробовать; главное – не уступить в скорости. А Илья будет обыгрывать, Сэм это знал, потому что Олег наглухо закрыт Васпом, а девочки без толку бегали, не решаясь сблизиться с парнями. Коваленко, жонглируя в полунаклоне, с грацией танцора раскачивал оборону Сэма. Его непринуждённое владение мячом и лёгкость в ногах невольно вызывали уважение. Профи! Илья сделал шаг вправо, Сэма тоже качнуло вправо. Тогда Илья, молниеносно стукнул мячом об пол, перебрасывая его в левую руку, и рванул вперёд, ловя Сэма на противоходе. Но мяч, отскочив от пола, внезапно нашёл не левую руку Ильи, а правую

Макогона. Задумка сработала! Коваленко, рыкнув от досады, тут же бросился в отбор, а Сэм с мячом в руках уже искал глазами убегающего в отрыв Васпа...

В один момент все шумы спортзала разом приглушились, и отчётливо прозвучал лишь один знакомый голос:

– Серёжа, мне!

Сэма оглушило. И сейчас же в помещение спортзала через рабицу окна проглянул прорезавший ткань облаков первый лучик весеннего солнца, который ласково обогрел теплом, до краёв наполнив смыслом существование. Сэм стоял как вкопанный, вытаращив глаза, а Катя в пяти метрах тянула к нему руки, как будто хотела обнять, чёрная, тонкая, ловкая, открытая нараспашку – она смотрела на него, и уголки её глаз смеялись, отражая этот луч надежды, тепла и обретенного будущего. Она его назвала Серёжей. Не Самогоном, не Макогоном, не Сергеем, и даже не уважительным «Сэм», а прямо Серёжей, как близкого человека.

В голове рябило, в глазах прошёл звон. Мир перепутался и остановился. Мяч? Ты просишь мяч? И всё? Хорошо. Я дам тебе мяч. Хочешь, я дам тебе не только мяч... Мяч – это очень мало, я могу больше. Для тебя я могу гораздо больше! Хочешь, я тебе его совсем подарю! Хочешь, я его вообще украду! Я его тебе домой принесу! Да при чём здесь вообще этот несчастный мяч – хочешь, я напишу тебя, двумя цветами, чёрным и белым, и ты увидишь себя настоящую! Дюрер так не смог бы выразить тебя настоящую, как это сделаю я!

Да если ты скажешь, я из окна выпрыгну, да я под машину прыгну, да я под трамвай прыгну! Да хочешь, я голым разденусь! Да я тебя до кольца на руках вместе с мячом донесу! А хочешь... А хочешь, я у твоей спальни все ночи сторожить буду! Ни один вампир... Никто к тебе не приблизится! Да я даже не знаю, что ещё... Я за тебя всё отдам! Что тебе, мяч? Да господи, да конечно, да никому больше! Катенька, милая, ты хочешь, чтобы я дал тебе этот мяч? Да конечно, да без вопросов...

– Да на!!!

Грудь рвало на части. От невыраженного чувства злое лицо Сэма перекосило жуткой гримасой. Мимоходом увернувшись от Ильи, он вложил в эту передачу всё то невысказанное, что он хотел ей говорить каждую минуту и никогда не решался вслух, весь земной шар, все снега и реки, школу, Чупу, Птюню, Аристарха, свой любимый мольберт, все выброшенные её эскизы, все сохранённые черновики, все мысли о них двоих, все свои надежды и разочарования, и эту последнюю радость. Сэм с размаху одной рукой что было силы запустил баскетбольным мячом Кате в руки...

После, всё виделось и осознавалось через пелену тумана и какого-то полубабвения; голоса доносились издалека и глухо.

– Ты что творишь, пидор! – это заорал Чупа.

Мяч, проломив пальцы, с хрустом врезался Кате в лицо и отскочил. Чёрные глаза закатились, страшно обнажились

белки. На прямых ногах, не сгибаясь, как срубленное дерево, Катя рухнула навзничь, голова её глухо ударилась о паркетное покрытие площадки, подпрыгнула и ударилась ещё раз, а руки раскинуло безвольно в стороны.

В зале завизжали, Верочка Долишняя упала в обморок, близнецы рванули за помощью вон из зала, Ветка Латохина, захлёбываясь в слезах пыталась разблокировать телефон, чтобы вызвать скорую, весь класс бросился к Кате и столпился вокруг неё. Резван Арсенович уже делал Кате искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, одновременно отдавая указания Васпу, где в тренерской находится нашатырь для Долишних. Чупа горько плакал, уткнувшись в руку, у шведской стенки. Илья двумя руками сжимал безжизненную руку Кати, и плечи его тряслись. Олег молился. Ставрида с планшетом в руках пялилась на происходящее и, похоже, снимала. Тело Кати пошло судорогами. Глаза физрука расширились, он с удвоенной энергией принялся надавливать Кате на грудь и вдыхать ей в рот воздух. «Стой, стой, Катя, Катя, не умирай, цепляйся за жизнь!» Из-под головы на полу медленно выползала тёмно-бурая лужа...

Постепенно в зал стали забегать люди. Забежали медики с носилками, Катю переложили и унесли. И тогда обратили внимание на Макогона. Вид его был страшен. Голова втянулась в плечи, пальцы свело крюками наподобие когтей зверя. Он ходил взад-вперёд вдоль выкрашенной стены, раздирая себе грудь и издавая нечленораздельные звуки с визгом

и рыком попеременно, периодически взывая и зыряя во-
круг глазами. Футболка его была разорвана и повисала кло-
чьями, а грудь расцарапана в кровь. Подходить к сумасшед-
шему никто не решался. На какое-то время растерялся даже
Нохча. Макогон предпринимал чудовищные усилия, чтобы
не броситься вместе со всеми к Кате. Ему хотелось оттолк-
нуть Илью и взять её руку, оттолкнуть Резвана Арсеновича и
обнять её. Но никто не должен был догадаться, что он любит
её. Никто! Это тайна! ТАЙНА! Потом подошёл Бобрис, и
они с Нохчей под руки повели Макогона в директорский ка-
бинет до приезда полиции. Макогон, не сопротивляясь, под-
чинился и замолчал. Жизнь закончилась.

Его вели по коридору. По пути запнулись о Шлангву. Та
перегородила путь.

– Серёж! Ну ты же не специально, да? Ну скажи, что ты
не хотел. Это же случайно, да?

Бобрис отодвинул её, а Макогон безразлично и молча про-
шёл мимо.

В кабинете их встретила размазанная Птюня. Она внима-
тельно и как-то по-новому всмотрелась в лицо Макогона.

– Сергей, почему ты такой зверёныш? За что? Просто объ-
ясни, за что?

Макогон молчал. Он и раньше-то был мочалив, а сейчас,
когда он обрёл и тут же потерял смысл жизни, говорить что-
либо и когда-либо не имело никакого смысла. Приехали по-
лицейские, Макогона вывели в приёмную, а в кабинет ста-

ли по одному заводить свидетелей. И каждый, кто выходил с допроса, считал своим долгом высказать своё презрение Макогону, отрешённо сидевшему под охраной Нохчи.

Вот нарисовался Чупин:

– Готовься к встрече, гнида.

Вот вышел Илья:

– Идиот. Как тебя земля носит!

Потом вышел огромный Васп:

– Самогон, ты чего такой зверь? Чего она тебе сделала?

Хоть Сэм и сидел в приёмной, через тонкую стенку всё равно было слышно, как его одноклассники и педагоги дают против него показания, что они говорят. Ему вспомнили всё: и оборотней, и расчленёнку в рисунках, и замкнутость, и «не понятно, что у него на уме».

Федосеева, оказывается, наблюдала сцену в столовой.

– Они сегодня поссорились с Чеботарёвой на обеде из-за столика. Я видела. Его так перекосило! Я сразу подумала, что он её убить хочет... ну, или как там, побить, причинить ей физический вред... Катя просто стояла с подносом рядом с ним, она даже не просилась за стол, ничего... А он рожу перекосил, взял поднос и как замахнётся! Я думала, он сейчас этим подносом ей и врежет...

Старый Резван Арсенович каялся, и от волнения иногда переходил на свой тарабарский:

– Моя вина, капитан. Парни задумывали вместе потренироваться на уроке, отработать зонную защиту. У них сегодня

игра была запланирована после занятий. А я настоял, чтобы в командах были девушки... Ну вот, видимо, Сергей расстроился... Девчонки – они ж больше впустую бегают, больше мешают, чем помогают. Но им же тоже хочется с парнями вместе побегать... победить кого-нибудь... поиграть. Ну вот, видимо, не сдержался...

Лёлик неожиданно глубоко умел заглянуть в суть отношений – просмотр порно даром не прошёл.

– Я не знаю, за что он её. Он так-то к ней хорошо относился. Он в неё влюблён был, только никому не говорил. Может, ревновал? Да там особо не к кому было. Она не дружила ни с кем. Может, просто... Не знаю. Там это... он ей тоже нравился. Не знаю, что там между ними...

В приёмную зашёл бледный катин отец в военной форме. Тонкий и благородный. Выправка выдавала высшее офицерское сословие. Холодно и презрительно он смерил Макогона взглядом сверху-вниз, как кусок тухлого мяса, и сказал, как выплюнул:

– Будь ты проклят, сволочь!

Потом приехали родители Сэма с адвокатом, и его завели в кабинет...

V

Сергей улыбнулся своим мыслям.

– Ты чего улыбаешься?

– Да так... вспомнил, как я тебе первый раз в любви признался.

Катька прыснула.

– Да уж, обошёлся без цветов. Впрочем, ты по натуре всегда был угрюмым и замкнутым мальчиком. Честно, я что-то то наподобие и ожидала.

Они оба любили вспоминать тот случай и ни разу не могли удержаться, чтобы не захихикать.

– Но ты знаешь... что-то в том «признании» было. Не могу сказать, что мне очень понравилось, но что-то такое ты во мне задел...

– Голову.

– Да, – Катя улыбнулась своей улыбкой, – я от тебя чуть голову не потеряла. Ты знаешь, а я ведь так боялась, что ты мне не дашь этот дурацкий мяч. Я тогда очень переживала, что мешаю вам с Васпом!

– Ты не права. Это Васп мешал нам.

– Все тогда подумали, что я умерла.

– Да. И все подумали, что я это нарочно. Дело на меня завели уголовное.

– А Бобриса, Птюню и Нохчу хотели уволить.

– Правильно. Не разглядели во мне психа.

– А ты потом ночами сторожил у моей палаты. Как верный старый волк. Тебя прогоняли, а ты не уходил.

– Ну, это потому что на улице меня сторожил Чупа с шакалами.

– Не ври, ты их не боялся. Ты вообще ничего не боишься. Вот тогда взял и ушёл из столовой. Оставил меня одну. Мог

бы просто пододвинуться – я бы с тобой на один стул села.

– Ну вот же, лежим вместе, а ты горюешь, что много лет назад не посидели.

– Испугался?

– Ты ж говоришь, я ничего не боюсь.

– Ты боялся, что все про тебя узнают, и вёл себя, как подросток несмышлёный: «Это тайна! ТАЙНА!»... Если честно, я тоже боялась, что все обо мне догадаются, поэтому тоже старалась не разговаривать с тобой.

– Лёлек однако ж догадался. А возможно, и Болек.

– Какие мы дураки были! – Катя засмеялась. – Ладно, лентяй, давай, поднимайся, сегодня папа приезжает, или ты забыл?

– Он сказал, его встречать не надо.

– Давай, поднимайся, вервольф! – Катя в черных чешках, черных шортиках и белой, обтягивающей стройную девичью фигуру майке невесомо спрыгнула с койки и ушла. – Подъём!

– Не хочу.

Сергей лёжа отвернулся и долго ещё смотрел сквозь окно на пасмурное небо, ожидая из-за туманных облаков первого солнечного лучика.